

Содержание

ISSN 2587-8190

Екатерина Мамыкина. Антиномия падения и спасения града в «Казанской истории»	3
Светлана Федотова. Отрывок Пушкина «Вы так откровенны и снисходительны...». (К проблеме жанра)	13
Константин А. Богданов. Пьянство и русская литература: Риторические модели	23
Константин Лаппо-Данилевский. Вячеслав Иванов в диалоге со школой А. А. Потебни и утверждающимся формализмом	42
Лада Панова. Плохопись, вошедшая в золотой канон: как ее комментировать?	89
Андрей Устинов. Маяковский в «Русском Берлине» весной 1924 года	135
Дмитрий Цыганов. «Борьба за право управлять»: К институциональной истории культурных конфликтов сталинской эпохи (1930–1940-е годы)	154
Наталья Крайнева, Яков Слепков. «Немного географии» Анны Ахматовой: Попытка расширенного комментария	174
Сусан Аштарани. Понимание и интерпретация романа В. В. Набокова «Лолита» в Иране в аспекте рецептивной эстетики	194

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
С. К. Коломийцева,
А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2023 XIX (1-2)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2023 (1-2)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolssummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnáâ škola

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 5.9.3. Теория литературы (филологические науки) с 01.02.2022 г. и 5.9.1. Русская литература (филологические науки) с 20.12.2022 г.

© Авторы статей, 2023

© «Летняя школа по русской литературе», 2023

Contents

Ekaterina Mamykina. Antinomy of the Fall and Rescue of the City in the «Kazan History»	3
Svetlana Fedotova. Pushkin's Excerpt «You are So Frank and Condescending...» (<i>On the Problem of Genre</i>)	13
Konstantin Bogdanov Drunkenness and Russian Literature: <i>Rhetorical Models</i>	23
Konstantin Lappo-Danilevskii. Viacheslav Ivanov in Dialogue With The School of A. A. Potebnia and Early Formalism	42
Lada Panova. Bad Writing Canonized: <i>How to Reflect it in Commentaries?</i>	89
Andrei Ustinov. Mayakovsky in «Russian Berlin» in the Spring of 1924	135
Dmitry Tsyganov. «Fighting for the Right to Rule»: <i>Towards an Institutional History of the Cultural Conflicts of the Stalinist Era (1930–1940s)</i>	154
Nataliia Kraineva, Iakov Slepikov. «A little geography» by Anna Akhmatova: <i>an Attempt at Extended Commentary</i>	174
Sousan Ashtarani. Understanding and Interpretation of V. Nabokov's Novel «Lolita» in Iran in the Aspect of Reader-Response Criticism	194

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor), Sophia Kolomiitseva,
Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50.
E-mail: summerschool@list.ru

АНДРЕЙ УСТИНОВ
(Сан Франциско)

МАЯКОВСКИЙ В «РУССКОМ БЕРЛИНЕ» ВЕСНОЙ 1924 ГОДА

*Игорше Лоцилову,
к 130-летию поэта*

Спи, мой кролик,
Спи, мой чиж.
Мать уехала в Париж.

Саша Чёрный

Жди: резкий ветер дунет в окарино
По скважинам громоздкого Берлина —
И грубый день взойдет из-за домов
Над мачехой российских городов.

Владислав Ходасевич

Оставил Пушкин оду «Вольность»,
А Гоголь натянул нам «Нос»,
Тургенев написал «Довольно»,
А Маяковский — «Хорошо-с».

Юрий Тынянов

В работе детально реконструируются обстоятельства визита Владимира Маяковского в Германию, где он пробыл чуть больше двух недель — с 19-го апреля по 4-е или 5-е мая 1924 года, — и его непростые взаимоотношения с представителями «Русского Берлина». Здесь также публикуется фельетон «Демонстрация убожества», передающий атмосферу выступления Маяковского в берлинском отделении Всероссийского союза работников печати. Автором этого сардонического репортажа был поэт и драматург Евгений Кумминг (1899–1980), в прошлом активный участник московской литературной жизни. Работа выполнена к 130-летию со дня рождения поэта.

Ключевые слова: Владимир Маяковский, «Русский Берлин», русская эмиграция, русский футуризм, периодика русской эмиграции, Евгений Кумминг, ЛЕФ, Юлий Айхенвальд.

Информация об авторе: Андрей Устинов, доктор филологических наук, главный редактор издательства «Аквилон». Сан-Франциско, США.

E-mail: abooks@gmail.com

Mayakovsky in «Russian Berlin» in the Spring of 1924

The current essay reconstructs in vivid detail the circumstances of Vladimir Mayakovsky's visit to Germany, where he spent a little more than two weeks, from April 19 to May 4 or 5, 1924, as well as his difficult relationship with representatives of the „Russian Berlin“. The publication includes the newspaper feuilleton „Demonstration of Squalor“ (1924) which conveys the atmosphere of Mayakovsky's performance at the Berlin branch of the All-Russian Union of Press Workers. The author of this sardonic reportage was the poet and playwright Evgenii Kunning (1899–1980), recently an active participant in Moscow literary life. This essay has been written to commemorate Vladimir Mayakovsky's 130th anniversary.

Keywords: Vladimir Mayakovsky, „Russian Berlin,“ Russian emigration, Russian futurism, Russian émigré periodicals, Evgenii Kunning, LEF, Yulii Aikhenval'd.

Information about the author: Andrei Ustinov, Dr. Phil. Hab., Director of „Aquilon Books“. San Francisco, USA.

E-mail: abooks@gmail.com

DOI 10.48612/sum-2023-19-1-2-135-153

Если первое посещение Владимиром Маяковским Германии осенью 1922 года освещалось неоднократно и довольно подробно, второй визит поэта в Берлин, напротив, представлен как бы походя, как ничего особенного, будто в 1924 году он ездил за границу, как к себе на дачу в «поселок Пушкино», который «горбил Акуловой горою». Однако именно этот приезд Маяковского сложился в «необычайное приключение», поскольку два состоявшихся выступления поэта оказали сильный и явно не предполагавшийся эффект на «Русский Берлин», разорвав ткань общественных и культурных институций, сложившихся к тому времени в «третьей столице России», по слову А. Ветлугина.

2 мая 1922 года Маяковский впервые выехал за границу в свободную Латвию, почти две недели пробыл в Риге и 13 мая вернулся в Москву. Путь его следующей заграничной поездки лежал дальше на запад: в первую неделю октября поэт отправился из Москвы по маршруту Петроград — Нарва — Ревель — Штеттин — Берлин — Париж.

Траектория этого путешествия поэта прослежена в труде Василия Катаняна «Маяковский. Хроника жизни и деятельности»,¹ согласно которой можно сделать заключение, что первый визит Маяковского в Берлин был достаточно продолжительным, почти пять полных недель — с 12-го или 13-го октября по 11-е ноября 1922 года.²

Прежде о Маяковском неоднократно писала пробольшевистская и «сменовеховская» берлинская газета «Накануне», которая и выступила основным хроникером его пребывания в Германии. Вот, например, фрагмент из пространного памфлета журналиста и переводчика А. Вольского — этот псевдоним скрывал Александра Гройнима (1886–1928), «советского агента» в Берлине, «члена Германской компартии», который «в середине 1920-х гг. вернулся в СССР; в нояб<ре> 1927 г. <был> арестован по обвинению в шпионаже и расстрелян»:³

Футуризма в России, конечно, никогда не было. Был Маяковский единственный и громадный. Он был в октябре и с октябрем. Опять-таки единственный, но... не громадный. Напоенный духом ненависти и разрушения — был он с октябрем. За ним пошли такие же, как он: изгой; как и он пьяные пафосом ненависти и разрушения. Несколько художников, скульпторов, музыкантов, теоретиков. Создался на миг намек на союз «левого искусства» с революцией. Маяковский требовал «Пушкина к стенке, по музеям пулями тенькать», Татлин сооружал в Питере Башню Третьего Интернационала, Якулов пытался дать Октябрь на стенах «Красного Петуха», что на Кузнецком <мосту> в Москве, Артур Лурье искал духа октября в диохроматических гаммах, Штернберг и Брик натужно и упорно прокладывали пути от коммунизма к футуризму. А Луначарский... Он нехотя благословлял. Благословлял — потому, что они пришли, не дезертировали, как прочие. А нехотя — признавал всё-же, государственным чутьем сознавал, что это «не то». И на поверку оказалось, что очень «не то». Конечно, тут трагическая комедия случилась. <...> На опыте вышло, что из «левого искусства» ничего не вышло, ибо потребитель его

¹ Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. Отв. ред. А. Е. Парнис. М., 1985; далее везде — Катанян, с указанием страниц.

² Катанян. С. 234–236.

³ Шруба М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М., 2018. С. 557–558; далее везде — Шруба, с указанием страниц.

не захотел, да и вообще искусства не захотел. Маяковский жестоко почувствовал это вместе с Мейерхольдом — еще один из деятелей октября в искусстве, каковой на поверку оказался всего только неудачным июльским бунтом. Они почувствовали это, когда ставили «Мистерию-Буфф» и имели succès d'estime. Какова ирония!¹

Главным же оппонентом «Накануне» и вообще визита Маяковского в Германию осенью 1922 года выступила правая антисоветская газета «Руль». Этот конфликт прессы «Русского Берлина» помимо идеологических расхождений имел подоплекой прежде всего литературное противостояние между авторами уехавшими из Советской России и теми, кто остался. Авторы замечательной книги «Русский Берлин 1921–1923» подчеркивали, «что наряду с „эмигрантскими“ литераторами в Берлин в 1922 г. хлынули представители молодой русской литературы — Пильняк, Кусиков, Пастернак, Есенин, Маяковский, — и что русский Берлин амальгамировал в тот момент представителей непримиримо враждебных художественных лагерей».²

Именно об этом и, в частности, о Маяковском писал в открывавшем последний за 1922 год выпуск журнала «Новая Русская Книга» пространным *exposé* «Литература за пять истекших лет» профессор Александр Яценко, неизменный редактор этого журнала:

Русская поэзия понесла тяжелую и непоправимую потерю со смертью [Александра] Блока. Трагически погиб и поэт Н[иколай] Гумилёв.

Почти все старые поэты продолжали писать и в годы революции, и некоторые из них дали прекрасные стихотворные сборники, в особенности Андрей Белый, Фёдор Сологуб, Вячеслав Иванов, Максимилиан Волошин, Анна Ахматова. Мы не будем здесь перечислять всех старых поэтов и не беремся разбирать и характеризовать новых. Среди этих последних есть, однако, два поэта, возвысившихся над средним уровнем поэтов, пишущих «хорошие» стихи. Оба они созданы революцией. Оба приняли ее целиком, с ее

¹ А. Вольский <А. Гройним> «Организованное понижение культуры. II» // Накануне. 1922. № 114. 23 августа. С. 2.

² Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. С. 56.

грубостью и неистовством. Оба извращены и избалованы, оба, вследствие этого, в большинстве случаев, неприятны и неприемлемы, но всё же, нельзя отрицать, у них есть подлинное поэтическое вдохновение и бьются сердца истинных поэтов.

Мы разумеем Вл[адимира] Маяковского и Серг[ея] Есенина.

Маяковский груб, часто пошл, но с крепким юмором и с полнокровным смехом. Его тон часто может вызывать негодование, но есть у него сила, а в его поэтических построениях — подлинная монументальность.¹

В 1924 году, когда Маяковский вновь приехал в Германию, это противостояние двух ведущих газет «Русского Берлина» всё еще вяло тянулось, хотя было понятно, что «Руль» вышел из этого конфликта победителем, пускай это и была «Пиррова победа».

Как повествует «Хроника» Катаняна, «15 или 16 апреля Маяковский выехал за границу, через Ригу в Берлин. 19 апреля приехал в Берлин».² Берлинская газета «Накануне» обмолвилась в хронике литературной жизни: «Проездом в Америку прибыл вчера в Берлин Вла[димир] Маяковский».³ Действительно, поэт планировал добраться до

---

¹ *Яценко А.* «Литература за пять истекших лет» // Новая Русская Книга. 1922. № 11/12. С. 6–7. В статье 1921 года «Русская поэзия за последние три года» А. Яценко отнес Маяковского к «поэтам разложившегося символизма» и констатировал: «Наиболее видной и популярной фигурой среди этих поэтов, эпигонов разложившегося символизма, является Владимир Маяковский. „Творчество“ его довольно известно. <...> В своей поэме „Облако в штанах“, написанной в 1914 году, Маяковский писал: „Иду красивый 22-хлетний“. Теперь о нем можно сказать: „идет стоеросовый 28-летний“. Время ничему его не научило, а только еще боле опошлilo, если его вообще еще можно было опошлить. Поскольку эта поэзия имеет какой-нибудь смысл, это — поэтическое хулиганство и футуристический раешник. Правда, у этого уроженца южного Кутаиси есть моментами полнокровный, хотя и балаганный юмор. И весь успех его объясняется, вероятно, этим ярмарочным гаерством. У других же представителей этого направления хулиганство даже без всякого юмора, мрачное и отвратительное. Поэзия их отобразила самый грубый момент нашей революции. Иногда их изображения революции звучат как брань против нее или пародия, выдуманная заклятыми врагами революции» (Русская Книга (Берлин). 1921. № 3. С. 6, 8).

² Катанян. С. 274.

³ Накануне (Берлин). 1924. № 90 (607). 20 апреля. С. 6.

Америки, но из его чаяний ничего не вышло. Как пояснял Катанян, «намерение Маяковского проехать в Америку не удалось осуществить. Причины заключались, очевидно, в затруднениях с визой. Подробности переговоров по этому поводу неизвестны. Маяковский пробыл в Берлине около двух недель».¹

Если первое его «выступление на собрании писателей, художников и артистов в ателье художника А. Гумича и Н. Зарецкого»,² 26 апреля, на так называемом «субботнике в кружке художников» (Neue Winterfeldstraße 31),³ где он «прочитал одно из своих лучших стихотворений „Необычайное приключение...“», прошло «с большим успехом», хотя всё же, судя по газетному отчету, сказался недостаток посетителей,⁴ то последовавший вечер Маяковского, организованный новооткрывшимся Германским отделением Всероссийского союза работников печати, гнездом резидентуры ОГПУ в Берлине, вызвал у представителей «Русского Берлина» едва ли не *cognitive dissonance*.

<p>Вечер Маяковского</p> <p>Берлинское отделение Всероссийского Союза Работников Печати устраивает во вторник, 29 апреля, в большом зале бывш. Палаты Господ (Лейпцигер штрассе 3) единственный вечер приехавшего на-днях из Москва поэта Владимира Маяковского.</p> <p>В. Маяковский уезжает на будущей неделе в Америку.</p> <p>Программа вечер: I. Рассвет Лефа: Что такое Леф. Леф в поэзии. Леф в прозе. Леф в рекламе. Леф в театре. II. Последние стихи:</p>	<p>«Смерть не смерть», «Перелет Москва—Киев—Берг», «Киев», «Из поэмы «Про это». Из поэмы «Памяти рабочим Курска». «Гимн Германия» и др. III. Сатира: «Стихотворение о Мясницкой о бабе и о всероссийском мастшабе». «Кума». «О дряни». «Как работает республика демократическая» и др.</p> <p>Начало вечера ровно в 8¼ час.</p> <hr/> <p>Газета «НАКАНУНЕ» продается во всех киосках и у всех газетчиков.</p>
--	---

Программа выступления Маяковского 25 апреля 1924 года как «штормовое предупреждение» была анонсирована в той же самой уже открыто про-советской газете *Накануне*:

Берлинское отделение Всероссийского Союза Работников Печати устраивает во вторник, 29 апреля, в большом

¹ Катанян. С. 274.

² Там же. С. 274.

³ См. анонс этого «субботника»: *Накануне*. 1924. № 94 (611). 26 апреля. С. 4.

⁴ Здесь приводятся цитаты из газетного отчета газеты «Накануне» (1924. № 97 (614). 30 апреля. С. 5).

зале бывш<ей> Палаты Господ (Лейпцигер штрассе 3) единственный вечер приехавшего на-днях из Москвы поэта Владимира Маяковского.

В. Маяковский уезжает на будущей неделе в Америку.

Программа вечера: I. Рассвет Лефа: Что такое Леф. Леф в поэзии. Леф в прозе. Леф в рекламе. Леф в театре. II. Последние стихи: «Смерть, не смей». «Перелет Москва — Кенигсберг». «Киев». Из поэмы «Про это». Из поэмы «Памятник рабочим Курска». «Гимн Германии» и др. III. Сатира: «Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о все-российском масштабе». «Кума». «О дряни». «Как работает республика демократическая» и др.

Начало вечера ровно в 8¹/₂ час<ов>.¹

О «Лефе» эмигрантская публика имела представление из эссе постоянного обозревателя «Руля» Юлия Айхенвальда, который незадолго до приезда Маяковского, в сентябре 1923 года, написал об этой издательской антрепризе. Впрочем, информация о создании «Лефа» и выходе первого выпуска «Журнала левого фронта искусств» появилась еще тем же летом в самом последнем номере библиографического журнала «Новая Русская Книга»:

Вышел № 1-ый издаваемого Госиздатом под ред<акцией> В. В. Маяковского, <Николая> Чужака-Насимовича и др., «Журнала левого фронта искусства» «Леф»; в №-ре кроме ряда программных статей («За что борется Леф»; «В кого вгрызается Леф»; «Кого предупреждает Леф»), помещены стихотворения Н. Асеева, В. Каменского, А. Кручёных, Б. Пастернака, В. Хлебникова и др., поэма «Про это» В. Маяковского, рассказ О. Брика «Не попутницы» и Н. Асеева «Завтра», воспоминания Дм. Петровского о Хлебникове и т. д. Номер уже вызвал полемику в печати: один из редакторов журнала Н. Чужак напечатал в «Изв. ВЦИК» очень резкий разбор рассказа Брика, в котором он усмотрел анти-коммунистический уклон. Автор рассказа ответил письмом в редакцию, защищая свой рассказ и указывая на ненормальность такого выступления члена редакции.²

Поскольку Ю. Айхенвальд в своих регулярных «Литературных записках» касался сразу же нескольких тем, а его

¹ Вечер Маяковского // Накануне. 1924. № 93 (610). 25 апреля. С. 5.

² Новая Русская Книга (Берлин). 1923. № 5/6. С. 55.

эссе получилось многословным и рассеянным, ограничимся здесь выдержками, имеющими непосредственное отношение только к «кричащему на всю литературную улицу» Маяковскому и его журналу:

Вот Государственное издательство выпускает аляповатый журнал *«Левф»*, что должно означать «левый фронт» (в сокращенной России всё сокращается). Других фронтов, впрочем, на берегах Москвы-реки и не может быть, потому что покорители земли русской хотели бы, чтобы она вся, сплошь была левой. В Москве изготавливаются созерцания казенного образца, и для них требуется измерение левизны. Правда, сам Ленин прививший своим подданным, среди прочих заразных недугов, также и левизну, потом должен был вступить в борьбу с нею, как с «детской болезнью»; но от нее не излечились еще многие и многие, она привлекает еще сама по себе, в какие бы дебри вздора ни приводила и ни заводила ее соблазнительная односторонность. Это не игра слов, а печальная русская серьезность: кто лев, тот прав. На высоту признания готовы у нас возвести левшу, т. е. того, кто ненормален, кто не похож на остальных людей, как, себе на горе, от остального мира отличается и нынешняя Россия. И о левизне абсолютной, о левизне во что бы то ни стало хлопочет и шумливый *«Левф»*. <...>

Политики — консерваторы; художники — новаторы. Даже политики-революционеры (и они еще больше, чем другие) от консерватизма отрешиться не могут <...>.

Наконец, то искусство, которое на своем кричащем красном знамени пишет *«Левф»* любит пугать и удивлять буржуа, но уже этим показывает, что оно от буржуа не свободно. С него не спускает оно своих глаз, от него отправляется оно в хитросплетения своих вычур <...>.

Оттого иные коммунисты с недоумением отнеслись к навязанному им содружеству с футуристами и увидели в нем нечто противоестественное. Они правильным инстинктом почувствовали, что футуристы — пассеисты, что эти путники в будущее на самом деле пропитаны прошлым, что, яростно ломая старину, они стариною, однако, загнипнотизированы и, разрушая музеи, сами внутренне из музеев не выходят. <...>

Возникло разочарование. Оно сказывается хотя бы и в том внешнем факте, что если коммунисты из Государственного издательства выпускают *«Левф»*, то коммунисты из «Красной нови» или «Правды» от *«Левфа»* не с коммунистическим приветом, а с более выразительной коммуни-

стической бранью брезгливо отворачиваются. Они не хотят притворяться, будто воспринимают красоту и смысл в том наборе звуков, каким заменяют русский язык Кручёных или Каменский, или в том истошном крике, каким на всю литературную улицу кричит Маяковский. Они во всем этом видят насмешку над здравым смыслом. И левая политика с левым искусством начинают расходиться в разные стороны. Ибо соединило их только недоразумение.

И тем не менее левизна искусства всё еще пытается в одном косолапом объятии слиться с левизною политики. И на жалких страницах *«Лефа»* его теоретики (Чужак, Брик, Левидов, Арватов) усердно, но не успешно вырабатывают формулу пролетарского искусства, т. е. доказывают недоказуемое. Они не хотят понять той старой и простой, и прозрачной истины, что как нет для пролетариев особой таблицы умножения и не придумывал для них Пифагор особой теоремы, так и не было и нет, и не будет для них особого искусства, особой науки, особой философии. Самозванные радители пролетариата приписывают ему какую-то мессианскую роль, печать избранничества, но искусство вербует своих избранников не по признаку классовых примет. <...>

Революция не касается искусства; она перед ним бессильна. Ни один из наших классических поэтов не сделался другим после 1917 года, ничего от него не проиграл, ничего и не выиграл; и наше понимание и оценка поэтов тоже не изменились. Вихрь событий может на время заслонить перед нами лицо того или иного художника и снова накинуть пелену на его воздвигнутый памятник, но само по себе это лицо остается неизменным. Революция меняет иногда комментарий к тексту писателя, но не самый текст: его золотые буквы неизгладимы вовеки. <...>

При такой статичности, при такой консервативности искусства ясно, что никакие волны революции не могут смыть его извечных устоев. А утверждать, провозглашать исключительное достоинство какого-нибудь одного из направлений художества и спорить о том, какое из них лучше, это — дело праздное. Ни вправо, ни влево от торной дороги красоты искусство не сворачивает. Но зато сама красота многообразна; и одинаково приемлемы все отображения красоты. Решительно всё равно, принадлежит ли художник к тому или другому толку, — лишь бы он был толков, т. е. талантлив. И значит ни *«Лефу»*, ни другому сборнику литературных произведений не следовало бы ломать копыя из-за того, где в искусстве правда; пусть искусство будет искусством, и тогда правда в нем будет везде.

Но есть одна такая левизна «*Лефа*», которая тяготеет не к модернизму и футуризму, а к советским чрезвычайкам.¹ Поразительно, до какой степени в этом журнале литературная критика сочетается с политическим сыском. Как впрочем и во всей России вообще, писателей судят там не по их талантливости, а по их политической благонадежности. Карают не за эстетические грехи, а за контр-революционность. Журнал «*Леф*» напоминает участок. Иным авторам он реально опасен. Не знаешь, где кончается литература, где начинается политика и полиция. Стихотворения Ходасевича, например, левый критик осуждает, потому что видит в них следы мирозерцания <производное от «*мир*», т. е. «общество». — А. У.> не революционного порядка. Даже творчество Брюсова под пристальным взором левого критического глаза оказывается изменой революции, и берется, значит, под сомнение право этого новообращенного коммуниста на его красный партийный билет...

Так две левизны, политическая и эстетическая, соединившись вместе, под обложкой «*Лефа*», а также и под другими обложками, создали и третью — ту, которая левее не только логики и литературы, но и литературной чести, не только эстетики, но и этики.

В общем, оставшие советские писатели остаются преданными своей левизне, между тем, как передовые советские властители давно уже поворачивают вправо. Последние уразумели, что в самой природе власти и властвования есть неизбежная правизна. Чтобы править, надо править...²

Рассказ о журнале «*Леф*» и его программе, как свидетельствует отчет об этом вечере в Preußisches Herrenhaus (Leipziger Straße 3), опубликованный газетой *Накануне*,³

¹ Открытый намек на критика и теоретика Осипа Брика, который служил сначала в ЧК, потом в ГПУ. К 1920-м годам относится ходкая анонимная эпиграмма:

Вы думаете, здесь живет Брик,
Исследователь языка?
Здесь живет шпик
И следователь из Чека.

(323 эпиграммы. / Сост. Е. Эткинд. Париж, 1988. С. 50). Известен также иной вариант второго двустишия: «На самом деле он — шпик / И следователь ЧК».

² *Каменецкий Б.* <*Айхенвальд Ю.*> Литературные записки. // *Руль* (Берлин). 1923. № 857. 23 сентября. С. 2–3.

³ Прежде газета напечатала резюме об этом событии: «Вечер прошел с большим успехом. Зал был переполнен. Присутствовало много иностранцев» (*Накануне*. 1924. № 98 (615). 1 мая. С. 5).

стал основной темой выступления Маяковского. Отчет принадлежал перу Бориса Шенфельда-Россова, одного из первых возвращенцев в СССР.¹ В 1922 году он «покрывал» для *Накануне* первый визит поэта² и теперь представил новый репортаж с места события:

Вечер Маяковского был разделен на две части. В первой поэт познакомил аудиторию с новым течением в кругах московских пролетарских писателей — с «Лефом». Во второй части вечера Маяковский читал свои стихи.

«Леф», по словам докладчика, отмежевался от самодовлеющего искусства. Вместо сладких звуков и молитв он хочет идти об руку с мозолистыми руками рабочего, хочет укреплять в нем бодрость, веру в правоту Октября и сам старается слиться с созидающей работой, к которой зовет сегодняшней новый день России.

Произведения работников «Лефа» сжаты, плакатны, полны лозунгов и бодрой веры в новые жизненные силы. «Леф» смел, понятен, чужд всякой манерной изломанности.

«Леф» хочет быть громким эхом новых звуков, несущихся по русским просторам.

Как выполняет эту задачу «Леф», можно было бы сказать только при более близком знакомстве с его работниками. Впрочем, по тому, что дал Маяковский на своем последнем берлинском вечере, надо думать, что они идут твердым шагом по намеченной дороге.

В. Маяковский, как всегда за словом в карман не лезет, его характеристики и положения порой резки, даже безапелляционны, но всегда смелы и подкупают искренностью.

В первом отделении Маяковский прочел великолепный рассказ одного из «лефистов» Исаака Бабеля. Яркий, сочный народный язык, стилизация настолько хороша, что минутами вещь кажется действительно письмом в редакцию красноармейца, сменившего временно плуг на штык, чтобы отстоять добытое народной кровью.

Стихи Владимира Маяковского тоже скованы из стали в горниле русской революции. Бодро и призывно звучат они, поднимают радостными криками упавший дух, улыбаются дружески солнцу, гимнами встречают крепнущую пролетарскую силу и сливаются в песнях со сплоченными рядами новых русских людей.

¹ См.: Шруба. С. 786.

² Шенфельд > Б. Маяковский в Берлине // *Накануне*. 1922. № 167. 24 октября. С. 5.

Маяковский большой талант и его эволюцию от сданного им в архив желтокофточного футуризма к поэзии «Лефа» никоим образом не поставишь ему в упрек.¹

Как бы ни хотелось Шенфельду-Россову представить выступление Маяковского как этюд в оптимистических тонах, корреспондент «Руля» описал вечер поэта в диаметрально противоположном ключе, словно увидел это событие сквозь совершенно иную оптику. Автором репортажа под колоритным заголовком «Демонстрация убожества» был Евгений Кумминг (известный так же, как Евг. или Е. Комнин), к тому времени ставший регулярным обозревателем этой газеты. Его бурная жизнь была реконструирована Игорем Петровым и доступна в соответствующих постах в «Живом журнале».

Литературная биография Кумминга началась еще в Москве, где он приятельствовал с Вениамином Кавериним. Получив эстонское гражданство, Кумминг эмигрировал в Германию и начал активно участвовать в жизни «Русского Берлина». Как раз в эти годы он подружился с Владимиром Набоковым, который написал на него эпиграмму с ассонансами:

Когда мы спорим с Куммингом
то в комнате безумен гам.²

В 1933 году он стал редактором газеты «Новое Слово», придерживавшейся национал-социалистских директив, одновременно работая военным переводчиком в Абвере, и даже составил несколько русско-немецких военных словарей.³

¹ Шенфельд > Б. Вечер Владимира Маяковского // Накануне. 1924. № 100 (617). 4 мая. С. 5.

² Струве Г. К смерти В. В. Набокова // Новое Русское Слово (Нью-Йорк). 1977. 17 августа. С. 8.

³ См. справку М. Шрубы: «Кумминг Евгений Львович (Eugen Kummings; 18.10.1899, Москва — 27.5.1980, Мюнхен), поэт, журналист, редактор, переводчик; в эмиграции с 1920 г.; жил в Германии; в 1933 г. редактор-издатель берлинской газеты „Новое слово“; во время Второй мировой войны в Вермахте в качестве переводчика на восточном фронте; после 1945 г. жил в Мюнхене, в 1953–1954 гг. директор радиостанции „Свобода“» (Шруба, с. 624).

Для него Маяковский, в будущем любимый объект набоковских пародий,¹ предстал в образе далеком от «священного чудовища», педалируемого «Накануне». Сардоническая риторика его репортажа была усилена ценными комментариями автора относительно московского литературного быта, о котором он знал из первых рук. Само же выступление Маяковского показало, как драматически изменилась публика «Русского Берлина» со времени его визита осенью 1922 года.

Вот как описывал выступление Маяковского полтора-летней давности светский хроникёр:

Первой в сезоне премьерой-гала в берлинском «Доме Искусств» был вечер с выступлением Маяковского. Зал был переполнен. Аудитория состояла из трогательного соединения берлинской русской буржуазии с членами местного совдепа, сменовеховцами и прочими ценителями прекрасного. Маяковский был в ударе и, как из рога изобилия, сыпал в аудиторию своими «поэмами». В поэзах Маяковский ругал буржуазию, капиталистов и особенно Вильсона, как олицетворение «мирового капитала».

«А щеки у него (Вильсона) такой сверхъестественной мякоти, что сами просятся: идите и ляпайте».

Так описывал Вильсона Маяковский.

Не пожалел ругательств глава футуристов и для одной страны, через которую лежал его путь из Совдепии в Берлин <имеется в виду Эстония. — А. У.>. Ругался—ругался, а потом испугался и заявил:

Не стану плевать книзу,
Ожидая визу...

Футурист, а осторожный.²

¹ См. замечание А. Долинина: «...его проза смогла освоить и синтезировать едва ли не все основное наследие русской поэзии, не исключая и тех влиятельных набоковских современников, кого он, как поэт, бежал и опасался, — Мандельштама, Хлебникова, Пастернака, даже ненавистных ему Маяковского и Г. Иванова» (Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб., 2004. С. 32).

² Л<ери>. <Владимир Клопотовский> Маяковский в Берлине // Сегодня (Рига). 1922. № 263. 22 ноября. С. 4. Этот фельетон был посвящен выступлению Маяковского, которое состоялось 20 октября 1922 года в кафе «Леон» (Бюловштрассе 1), под эгидой берлинского «Дома Искусств».

Кумминг специально обратил внимание на дифференциацию публики, о чем обозреватель «Накануне» стыдливо умолчал. Особенно резко бросилась ему в глаза прослойка «скованных одной цепью» советских функционеров из Всероссийского союза работников печати, открывшего берлинское отделение, которое на самом деле служило маскировкой для ОГПУ — отсюда зубодробительный комментарий Кумминга о составе аудитории, в которой превалировали «новые советские» *pezzi da novanta*. Он предпочел не сдерживать свои эмоции, и вот именно в таком ракурсе был выдержан репортаж «Демонстрация убожества»:

В. Маяковский прочел во вторник перед типично-советской аудиторией доклад о современной литературе, о «Лефе», сопровождавшийся весьма показательными иллюстрациями собственного производства.

Два слова о публике: совдамы и совбарышни в новейших крепдешиновых шалах, в руках стильные сумочки с египетской росписью à la Тут-ан-камен, мужчины в лаковых туфлях со скрещенными на груди руками; попеременно с советским high life'ом — стриженные девицы и юноши с расстегнутым воротом — типичные комсомольцы.

Приветствуя товарищей, советский лауреат с удовольствием отмечает, что в Москве на таких встречах происходят драки в хвостах, бывают раненые — вызывают кареты скорой помощи.

— Товарищи, у нас в Союзе сов.-рев.-рес<публик> вопрос об искусстве ставится как вопрос о революции.

— Это не то, что всякие там (презрительно) Фаусты, Байроны¹ и русские многотомные писатели.

— У нас на 50–60% разрушение — критика.

— Мы отрицаем самостоятельное значение искусства; искусство у нас одна из разновидностей строительства новой жизни.

— Самая замечательная книга о литературе — это книга тов. Троцкого, который делит писателей на 3 категории: 1-я категория — зарубежная литература — жбаны и котлы ядовитой слюны, помещицье-дворянско-мистический бред, — Бунин и Мережковский, всякие Голгофы и Синай и прочая

¹ Безусловно, издательская отсылка к широко отмечаемому в «Русском Берлине» столетию смерти Джорджа Гордона Байрона. «Байроновский вечер», на котором в том числе выступил Набоков состоялся 20 апреля 1924 года в «Аэро Клубе» (Schönenberger Ufer 40) под эгидой «Литературного Клуба» русских поэтов и писателей в Берлине.

рвань; 2-я категория — попутчики революции — Пильянки, Эренбурги и т. д.; 3-я категория — Я и другие художники Октября. (*Der Esel geht immer voran*, как говорят немцы).

— Происходит колоссальное углубление пролетарской литературы: во-первых, происходит раскол. В «МАППе» — московской ассоциации пролетарских писателей — выдвинулось два больших писателя: <Александр> Безыменский и Артём Весёлый. Леф в настоящее время побивает Сосновского.

— К слову у нас производственное отношение — занимаемся мы инженерией слова. Работаем и для рекламы. Вот у меня — замечательное стихотворение-реклама для «Резинотреста» — которое запомнится навеки:

Замечательные соски,
Замечательнее — нет.
Будете сосать
До старости лет.

— Мы написали целую книгу в стихах: здесь и пропаганда магазинов «Моссукна», целые страницы против меньшевизма — а также, чтобы рабочие не крали.

(Тут, кстати, произошел забавный казус. — Товарищи накануневцы, кричит лауреат, не давайте писать о новой литературе такому дураку, как Глубоковскому, пропитанному затхлой французской психологией).

— В области прозы Лефом сделано пока мало. Имеется пока лишь один образчик — Брика. (Осип Брик в 1919 и 1920 гг. заведовал юридическим отделом особого отдела ВЧК; известен в литературе тем, что Маяковский посвящал свои книги, в том числе, «Облако в штанах», его жене: «Тебе Лиля»).

Далее советский бард предлагает рассказ какого-то Лефиста.

По содержанию рассказ представляет героическую страницу из жизни революционного пролетариата: красноармейцы насилуют в теплушках женщин, а утром бросают их под откос и на поворотах стреляют в них из «винта» — винтовок.

Выводы? — «Леф» защищает баррикады коммунизма. На этом закончилась теоретическая часть вечера.

Дальше идет иллюстрация. Гимн Германии: революционный Норден, морды Штиннесов, доллары — и в заключенные красные Шульцы. Это тебе дарю, Германия. Голос звучит, как труба. Грудь гордо выпячивается. Аплодисменты.

Второй образчик — нечто вроде персидской спотыкающейся газеллы с постоянным (раз пятнадцать повторяется) рефреном: Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить.

Казенные аплодисменты.

Маяковский (гордо): После таких стихов, кто, кроме официальных кастратов, будет утверждать, что Бунин лучше!¹

Выступление Маяковского провело резкие демаркационные линии внутри «Русского Берлина». Характерно, что другая, «левая» газета «Дни» проигнорировала этот вечер, как и вообще факт приезда Маяковского в Германию. На последнее, третье выступление поэта 1 мая 1924 года, которое было организовано, как и в прежний его приезд,² Объединением российских студентов в Германии с вступительным словом профессора Бессонова и участием Ильи Эренбурга уже не пришел никто, кроме собственно членов этой студенческой организации.³

«Около 9 мая, — подытоживал визит поэта в Берлин Василий Катаян, — Маяковский вернулся в Москву».⁴ Как писал Бенгт Янгфельдт, поэту «запросить американскую визу

¹ *Комнин Евг.* <Е. Кумминг> Демонстрация убожества // Рувль. 1924. № 1036. 2 мая. С. 5.

² Тогда «Вечер Маяковского» состоялся 15 ноября 1922 года. Корреспондент «Накануне» писал в репортаже об этом выступлении поэта: «В среду, в Шубертзале, „Объединением Российских Студентов в Германии“ был устроен вечер поэта Маяковского. В своем докладе о „позиции <поэзии? — А. У.> Р. С. Ф. С. Р.“ В. В. Маяковский указал на пробуждение интереса к поэзии в России со стороны тех кругов, которые до революции ничем другим не могли заниматься, кроме каторжного труда на господствующие классы, требовавшие от поэзии непременно соловья и девушки с томным взором. Ныне поэты, отождествляющие себя с революцией и прошедшие „испытание в грозе и буре“, пользуются широкими симпатиями населения, глухого к произведениям, где нет отражения последних героических лет. „Быть русским поэтом, писателем можно, только живя в России и с Россией. Пусть не думают въехать в Москву на белом коне своих многотомных произведений засевшие за границей авторы“... После доклада Маяковский начал чтение своей поэмы „150 миллионов“, а также прочитал ряд мелких своих произведений. Многочисленная аудитория со вниманием и бурными восторгами отнеслась к поэту» (*О<рланский> А.* Вечер Маяковского // Накануне. 1922. № 189. 18 ноября. С. 5).

³ В отчете говорилось: «...В Мейстер-зале берлинской студенческой организацией „О“ был устроен вечер, посвященный 1 Мая... После доклада писатель Илья Эренбург прочел отрывок из ненапечатанного романа „Жанна де Ней“ <sic!>, а поэт В. Маяковский — несколько своих стихов» (Накануне. 1924. № 99 (616). 3 мая. С. 5).

⁴ Катаян. С. 275.

*(Афиша вечера Владимира Маяковского
в 1922 году в Берлине)*

в Москве было невозможно ввиду отсутствия дипломатических отношений между государствами. Поэтому он намеревался въехать в Соединенные Штаты через третью страну. <...> 9 мая, устав ждать решение, которое так и не было получено, он вернулся в Москву...».¹

Скорее всего, Маяковский отбыл из Германии 4-го или 5-го мая еще и потому, что в отличие от «теплой» осени 1922 года, весна 1924-го в «Русском Берлине» оказалась для него отъявленно «холодной». Впрочем, деятельность «Русского Берлина» как раз в эти месяцы если еще не сошла на нет, то заметно замедлилась.

Однако эхо этого визита Маяковского всё же затихло не сразу. Так, среди публикаций, посвященных пушкинскому юбилею 1924 года, именно Евгений Кумминг напечатал фельетон «Пушкин в СССР», в котором вспомнил «официального советского барда» и его берлинское выступление:

Сосновский, меняющий иногда амплуа обер-фискала на амплуа литературного «критика», разразился ко дню 125-летия со дня рождения Пушкина покровительственной статьей «За что любил Пушкина Ленин» («Кр<асная> Газ<ета>»), из которой выясняется, что Пушкин хорошо, потому что его любил «Ильич».

¹ Янгфельдт Б. Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг. Пер. со шведского А. Лавруши и Б. Янгфельдта. М., 2009. С. 303–304.

Оказывается, что «Ильич любил ходить на охоту. Охотник он был... не из первоклассных. Но любил охоту, конечно, не ради пары зайчишек, а из-за возможности тонко и остро ощущать очарование природы. Вот почему он любил Пушкина...»

Счастливец, право, этот Пушкин. Еще недавно его здесь в Берлине поносил официальный советский бард Маяковский — называл «дрянью, гнилью, помоями» — и вдруг такое счастье: Ленин признал! Скрепя (пролетарское) сердце и обер-фискалу пришлось мимоходом похвалить Пушкина: «Мы еще увидим в ближайшие годы возрождение интереса к Пушкину. Но пусть не радуются спецы-пушкинисты. Они не будут именинниками в грядущие пушкинские дни. Мы вежливо отстраним этих гробокопателей. На них несмываемый грех перед народом». Ибо —

— «Я имею смелость заявить себя варваром», цитирует Сосновский золотые слова Ленина.

Со своей стороны Луначарский апеллирует к признанию Маяковского: «Недавно на одном публичном выступлении Маяковский, признанный глава футуристической поэзии, восторженно говорил о том, что он, читающий почти без всякого интереса всю поэтическую продукцию наших дней, не мог оторваться от «Евгения Онегина» и что он проникнут чувством глубочайшего уважения к четкости и мастерству Пушкина».

Итак в Берлине — неприличная брань, в Москве — «восторги и глубочайшее уважение». Каково же истинное мнение Маяковского о Пушкине, — очевидно, как начальство прикажет и какой выпишут гонорар.¹

Впрочем, на этот раз бутада Кумминга была направлена не против Маяковского, а против «обер-фискала» литературного злопахательства Льва Сосновского, того самого, который стал одним из прототипов критика Латунского в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Долгинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб., 2004.
2. *Катанян В.* Маяковский. Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А. Е. Парнис. М., 1985

¹ К<омни>н Е. <Е. Кумминг> Пушкин в СССР // *Рувль*. 1924. № 1080. 25 июня. С. 4.

3. *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гугеровском институте. Paris, 1983.
4. *Шруба М.* Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М., 2018.
5. *Янгфельдт Б.* Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг. / Пер. со шведского А. Лавруши и Б. Янгфельдта. М., 2009.

REFERENCES

1. *Dolinin A.* Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina: Raboty o Nabokove. SPb., 2004. (In Russ.)
2. *Fleishman L., H'yuz R., Raevskaya-H'yuz O.* Russkij Berlin 1921–1923: Po materialam arhiva B. I. Nikolaevskogo v Guverovskom institute. Paris, 1983. (In Russ.)
3. *Katanyan V.* Mayakovskij. Hronika zhizni i deyatel'nosti / Otv. red. A. E. Parnis. M., 1985. (In Russ.)
4. *Shruba M.* Slovar' psevdonomov russkogo zarubezh'ya v Evrope (1917–1945). M., 2018. (In Russ.)
5. *Yangfel'dt B.* Stavka — zhizn'. Vladimir Mayakovskij i ego krug. Per. so shvedskogo A. Lavrushy i B. YAngfel'dta. M., 2009. (In Russ.)